

НАБЕРЕЖНАЯ

На набережной бездны, струимой сквозь меня,
просвечивают горы, взрывающиеся внутрь,
и птицы бледнокрылые в обратную парят
над полыми озёрами к нечающим лугам,
восходят луны в проруби отыгранных времён,
и пьяный паровозик визжит, вдыхая дым,
с моста спадая в Волгу, не впавшую в Оку,
барашки волн попятных метнулись к берегам,
где голые, как свечи, фантомы крайних снов
сдувают с парашютов всевышний прах ночей.
Подводных окон профили оставились в ничто
за штофными гардинами, где дотлевают дни
над набережной бездны, продетой сквозь меня,
и вогнутые кручи струят туман бурливый
в подвижные гравюры, где бабочки бумажные
навеют, пусть не нам, в истощной тишине
предсмертную истому калёных слов любви,
и я плыву сквозь сухих и бывших, и грядущих,
усердно созерцая в обратный перископ
счастливое устройство картинок бытия.

* * *

Как юности далёкий взгляд,
стремимый мимо мира, как
фотографии, не видящие нас
из-за прощальной вспышки,

как волглый взор немых икон
и доли вогнутые снов, так
расступается вода и так
садится утром жизнь на
краешек расшатанного стула
и уверяет нас, что всё-таки
была и даже нас по-своему
любила, вода по ветреным
садам с рассветными
упругими цветами.

Смывает зиму вешний глас,
сны подбираются к обрыву,
и почки распирает благодать
в сухой тени сутулистого
тына, а мне себя теперь не
променять на всё, что будет,
есть и было, как фотографии,
глядящие сквозь нас из-за
зеркальной вспышки, как
всё, что не в ходу и не
про нас, и, к счастью, нас
давно и так легко забыло,
как юности далёкий взгляд,
струимый мимо мира.

ДОМА

Как у Христа за пазухой, у мамы
я буду спать под ватным одеялом
остатние века.

«Было лихо, и сейчас не тихо», –
в старинном вздохе ты повторишь.
В последний вечер
мы обнимемся, заплачем на грани
убывающих миров, под небом,
рухнувшим на плечи,
и закачаемся на самом, на краю,
бросая тень беззвучного упрёка за

них, за вас и за себя,
за всех, кого здесь обманули, как ту
собаку за окном, в снегах дорожных,
что подозвали и пнули
в нос. «Спокойной ночи, мой дружок», –
ты скажешь и по-новому вздохнёшь,
и скрипнет дверь
в бессильные миры, где мы сильнее
ночи и себя, пока, как столп, качаемся,
обнявшись, на самом,
на краю.

ПО ПРОЧТЕНИИ ДНЕВНИКОВ

Ю. Кублановскому

Давай молчать о Лондонах и
Римах на бывшем русском
языке, о сарацинам преданном
Париже и жалком мире, звёздно-
полосатом, где бьётся рыба
о сальный лёд глобализаторских
безрыбий, об ожлобленье
коктебельском и нью-московских
казино, о танцевальном право-
славии и вымирании Руси,
о встреченном, о гаданном,
о слывшем, об утре дней и вечере
надежд, давай молчать, мой
прошлый друг, о вечном,
о том, что нам отснилось
наяву. Не надо рыпаться: мы не
в формате. Мы не в формате,
слава Богу. Вмерзая в мерзость
существованья, где наша жизнь
случилась ни к чему, давай
молчать так громко и пытливо,
как нас великие когда-то там
учили, на чистом русском языке.

Я ХОТЕЛ БЫ

Я хотел бы быть тем, кого нет. Мёртвый ветер гуляет по миру. Так хотел бы не знать, что не вижу, и не видеть, что так и не знал, и зайти за высокий экран в чёрно-белом кино одиночеств, где опять прошлогодний аншлаг, и розовым шампанским скоротать антракт необратимой «Травиаты», этой осени рыжие сны, этих дней небывалые были.

Горит последнее окно за тем обветренным углом, за веткой той, непоправимой. Театр времени на улице судьбы, где голуби клюют вчерашнюю блевотину у входа. Я хотел бы быть тем, кого нет, кто не явится и не отбудет, и не видеть уже, и не знать, всё, что знать не хотел и провидел, как все те, кого носит по миру мёртвый ветер пустых перемен.

Горит последнее окно, и небеса непоправимы. Под утро снова снится брат, под вечер – нет ни досад, ни боли бережной, ни ветреной тревоги. Я хотел бы уже не хотеть и не знать всё, что так и не видел. А долы те, преголубые, пускай лоснятся для других, и ласточки ныряют за окном в подводном мире яви, и счастье улыбается с подушки и думает о ком-то о другом.

НАША ЛЮБОВЬ

Она дрожит на тех вокзалах,
где откатили поезда
за сеть обратных поворотов,
она встречает самолёты
в небесных аэропортах из

городов, прилежно стёртых
на картах позапрошлых стран,
в её глазах струятся годы
за веком, канувшим в века.
Мы различаем в раме окон
её прощальное лицо, в дыму
обугленных бессонниц,
во мгле оледенелых снов,
с той отгоревшей сигаретой
над отыгравшимся вином.
Недораспахнутое небо, недо-
гадавшаяся память, недо-
любившая любовь, в потёртом
прошленьком пальто, со взглядом
дальним и незрячим, она
дрожит на тех вокзалах, на той
заснеженной скамье, в той
неразгаданной аллее, куда
её мы заводили и где
мы предали её.

КРИТСКОЕ

Древовидные хвощи в память павших
динозавров, и над прахом безвестных
вселенных золотые надкрылья жука.
Тамариски вдоль тропы cedят в полдень
мятный воздух. Здесь потерянной собаки,
мудрей осенние коты и богоугоднее
смуглые старцы, а алоэ алоевее и
живее пустая душа, как тогда, когда
прильнула великая волна к араукариям
и смыли мир народы моря. Но есть
ещё страшней и горше: я больше не
люблю тебя той, небоокою любовью.

ПОЛДЕНЬ

Со мной случилась пустота, со мной случилась просинь, и вислый занавес дождей скрывает сцены осени глубокой, где мчится поезд красно-голубой сквозь сонные воскресные предместья и ловит в полдень смерч развоплощений, где в серой клетчатой рубахе, бренча забывчиво на сморщенной гитаре, уже почти никто кому-то никому неслышно напевает в летящем в пустоту, залапанном вагоне чужую песню нежности и скуки: «Жё тэм а ля фоли, жё тэм а ля фоли...»¹ Даю зажатую монету. Он вежлив и учтив, как книжная судьба прочитанного в юности романа. Я выхожу на пепельный перрон и умываюсь зажурчавшим светом. Со мной случилась пустота, со мной случилась осень.

* * *

Когда не станет нас, за нами встанет право на башню наших болей, на надмирность в речениях, на возведение очей горе – воззвавших, на забубённость и любви, на бешенство, беспомощность, надменность – на нас самих за нами встанет право.

Когда не станет нас, за вами встанет долг: взойти на башню отболевших, до середины пусть; твердить сверкнувшую строку, очами проблестеть – заплывшими, и возлюбить усопшие любви за бешенство, беспомощность, надменность – за нас самих за вами встанет долг.

Когда не станет нас, когда не станет вас, как светляки, жемчужными снегами пронизая друг друга, вскружим у Отчих стоп.